

Г. А. Меликишвили

К ВОПРОСУ О ХЕТТО-ЦУПАНИЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В УРАРТУ

Уже в начале царствования Аргишти I (786—764 гг. до н. э.?) происходит интенсивное освоение урартийцами земель, лежащих на левом берегу среднего течения Аракса, в Араратской долине. Свидетельством этого служат сообщения урартских источников о строительстве в этих местах крепостей — крупных опорных пунктов урартийцев. Одной из таких крепостей являлась крепость Ир(е)пуни¹ (Арин-берд на окраине совр. Еревана). О большом значении, которое придавалось основанию этой крепости, свидетельствует то, что в летописи Аргишти I этот факт упоминается при изложении событий V(?) года царствования Аргишти (782 г. до н. э.?): «Город Ирпуни я воздвиг, — говорит Аргишти, — для могущества страны Биаинили (и) для усмирения(?) вражеской страны. Земля была пустынной(?), ничего не было там построено. Могучие дела я там совершил. 6600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил» (УКН, 127, II, 32—37; 128, А2, 13—22). Благодаря счастливой находке стало известно, где находилась крепость Ир(е)пуни. В сентябре 1950 г. на холме Арин-берд (бывш. Ганли-тапа) на юго-восточной окраине Еревана, между районами Нор-Ареш и Вардашен, где находились остатки древнеурартского сооружения, обнаружены были два камня с урартскими клинообразными надписями, одна из которых гласит: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту величественную(?) крепость построил (и) установил (для нее) имя — Ирпуни; (построил ее) для могущества страны Биаинили (и) для усмирения(?) вражеской страны. Аргишти говорит: земля была пустынной; могучие дела я там совершил» (УКН, 138). Таким образом, стало ясно, что на этом самом холме Арин-берд и находилась та урартская крепость Ирпуни, о построении которой упоминает летопись Аргишти I.

Что Ир(е)пуни была на самом деле могучей крепостью, подтвердили археологические раскопки, развернутые на холме Арин-берд с 1951 г.² Крепость была раскинута на обширной территории — наружные стены ее очерчивали треугольник площадью около 6 га. Фасады цитадели пред-

¹ Обыкновенно название этой крепости в урартских текстах пишется в форме «Ирпуни» (ir-pu-ni, ir-pu-ú-ni) (УКН, 127, II; 128, А2; 138; 145; 146; 147; 147а), однако в некоторых случаях дается написание «Ирепуни» (ir-e-pu-ni) (УКН, 147b; 147с — ВДИ, 1954, № 1, стр. 257).

² Работы ведутся Институтом истории АН АрмССР и Гос. музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Экспедицией руководит К. Л. Оганесян.

ставлены мощными крепостными стенами, опоясывающими всю вершину высокого, господствующего над окружающей местностью холма по его контуру. До высоты двух-трех метров они сложены из камней чистой тески; далее возводилась кладка из сырцового кирпича; общая высота стены, включая кладку, была здесь около 10 м³. На территории цитадели, по мнению К. Л. Оганесяна, располагались культовые и общественные сооружения (юго-западная часть холма), жилые (северо-западная часть) и хозяйственные постройки (восточный и юго-восточный район холма). За прошедшие семь лет раскопок на холме Арин-берд был открыт ряд из этих сооружений, в том числе большой 30-колонный зал с подобием башни.

Внимание исследователя сразу же привлекает весьма интересное сообщение урартских надписей о том, что в городе Ир(е)пуни урартским царем Аргишти I были поселены «6600 воинов стран Хате (и) Цупани». В связи с этим перед исследователем встает ряд вопросов: какую территорию подразумевают урартские источники под «страной Хате» и «страной Цупани», из которых были выселены эти «6600 воинов», когда произошло их переселение, переселили ли лишь «воинов», или они были переселены со своими семьями, и, наконец, в качестве кого они поселялись в Араратской долине, каков был их новый социальный статус? Имевшийся раньше в нашем распоряжении материал давал возможность с уверенностью ответить на некоторые из этих вопросов. Недавние же открытия на Арин-берде, как это будет показано ниже, позволяют нам с такой же уверенностью высказаться и в отношении других поставленных выше вопросов.

Переселенные «6600 воинов стран Хате и Цупани», несомненно, были выведены из своих стран годом раньше основания Ир(е)пуни, в 783 (?) г. до н. э., во время похода Аргишти I на запад⁴. В том же II столбце летописи этого урартского царя, непосредственно перед повествованием о событиях года, в котором произошел поход в Закавказье и основание Ир(е)пуни, в стк. 5—24 речь идет о событиях предыдущего года, который был занят походом на запад, на страну Хате (т. е. хеттов) и страну города Мелитеа. Судя по данным летописи, во время этого своего похода урартийцы направились на юго-запад, прошли через находящуюся в Кашиярских горах страну Нириба (Нирбу), затем побывали в стране Хати (Хате) — на крайнем северо-востоке Сирии, — а затем повернули на север и, продвигаясь вдоль западного побережья Евфрата, достигли города Малатии. Отсюда урартское войско повернуло на восток и на обратном пути прошло, между прочим, через город Питеира (Питру), находившийся в стране, которую ассирийские источники упоминают под названием «Дирр(и)а», урартские же — под названием «Диргуни». Она находилась северо-восточнее совр. Диярбекира. Из маршрута данного похода ясно, что урартское войско во время данного похода прошло не только через страну Хате (крайняя северо-восточная часть Сирии), но должно было пройти и через страну Цупани (античная «Софена»), которая находилась восточнее гор. Малатии, на левом берегу Евфрата. В конце описания событий этого похода Аргишти I перечисляет захваченную во время похода добычу и пленных — среди пленных упоминаются 2539 отроков, 8698 мужчин («живых мужчин» — LU TI^{MEŠ}) и 18 047 женщин.

³ К. Л. Оганесян, Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни, ИАН АрмССР, Общ. н., 1951, № 8, стр. 80—81. См. также И. М. Лосева, Раскопки урартской крепости города Ирпуни (Ерепуни) на холме Арин-берд, СВ, 1955, № 3, стр. 144 сл.

⁴ См. Г. А. Меликишвили, К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту, ВДИ, 1953, № 1, стр. 27 сл.; он же, Наири — Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 259.

По всей вероятности, те «6600 воинов стран Хате и Цупани», которых в следующем году (782 г. до н. э.?) поселяет Аргишти I в Ир(е)пуни и были взяты из числа 8698 мужчин, захваченных в плен во время похода предыдущего года на запад.

До недавнего времени в нашем распоряжении почти не было конкретного материала, позволяющего судить о том, в качестве кого появились эти переселенцы в Араратской долине, но во время раскопок 1956 г. в цитадели города Ир(е)пуни (холм Арин-берд) были обнаружены две идентичные урартские клинообразные надписи, проливающие свет и на этот вопрос. Эти надписи, высеченные на строительных камнях, находящихся *in situ* в кладке стен по обеим сторонам входа в одно из помещений цитадели, в настоящее время уже опубликованы членом Аринбердской археологической экспедиции М. А. Исраелян⁵. Надписи дошли до нас в прекрасной сохранности, они состоят из засвидетельствованных во многих других урартских текстах трафаретных формул, и их чтение не связано с какими-либо трудностями. Надписи принадлежат основателю города Ир(е)пуни — урартскому царю Аргишти I, сыну Менуа, и в них упоминается о построении там царем культового сооружения (*susi* «святилище») ⁶ богу Иварша (D-ú-ár-ša-a).

Так как в урартском пантеоне неизвестно божество с таким именем⁷, внимание исследователя сразу же обращается на северную Сирию и восточные области Малой Азии, откуда были переселены в Ир(е)пуни «6600 воинов». И в самом деле, в хеттских клинообразных надписях из Богазкея мы находим упоминание божества, в котором, как нам кажется, нельзя не признать интересующее нас в настоящее время божество Иварша (*ivarša*). В культовом тексте КВо, IV⁸, № 11 (= VAT, 7496) с перечислением жертвоприношений и культовыми формулами на лувийском языке, в стк. седьмой лицевой стороны упоминается божество Иммаршиа, которому определяется в качестве жертвы одна овца (I UDU Dim-mar-ši-ia). На основании данного текста божество Иммаршиа (*Immaršija*) считается лувийским божеством, и с ним сопоставляется также упоминаемый в KUB, XXX, 57,3 DINGIR^{MEŠ} im-ra-ši [] «боги imraši []»⁹.

Таким образом, как будто с достаточной уверенностью выясняется, что в цитадели Ир(е)пуни было построено святилище (*susi*) одному из лувийских божеств¹⁰.

Вполне естественно, что переселенцы из восточных областей Малой Азии или крайнего севера Сирии оказываются носителями лувийских культурно-религиозных традиций. Лувийцы, как известно, были одной из основных этнических групп Малой Азии. В эпоху существования крупного Хеттско-малоазийского государства лувийское население жило в основном в южной и юго-восточной части Малой Азии. В частности, лувийским должно было быть население находившейся в южной приморской части Малой

⁵ ИАН Арм.ССР, Общ. н., 1957, № 9.

⁶ См. Г. А. Меликишвили, УЖН, ВДИ, 1954, № 1, стр. 215.

⁷ Об урартском пантеоне, о названиях многочисленных урартских божеств мы хорошо информированы, хотя бы по культовой надписи Мхер-капуси — УЖН, 27 (см. Меликишвили, Наири — Урарту, стр. 365 сл.).

⁸ «Keilschrifttexte aus Boghazköi», Hft. 4, Autographien von E. Forger, 1920.

⁹ E. Lagache, Recherches sur les noms des dieux hittites, P., 1947, стр. 82.

¹⁰ Различия между интересующими нас названиями *immaršija* и *ivarša* в звуковом составе весьма незначительны: *m* вместо *v* и *ia* вместо *a*, притом нет уверенности, что в *immaršija* перед нами именно исходная форма данного названия (может быть -*ja* здесь лувийское окончание дат. падежа? — см. В. Rosenkranz, Beiträge zur Erforschung des Luvischen, Wiesbaden, 1952, стр. 57). Следует при этом помнить, что перед нами материал не одной и той же эпохи, а также, возможно, принадлежащий разным частям лувийской (а может быть, и «хеттско-иероглифической») этнической группы.

Азии крупной страны Арзава. Интересно, например, что в хеттских текстах засвидетельствованы случаи, когда названия «Лу(в)иа» и «Арзава» употребляются как варианты одного и того же понятия. Например, если в КВо, VI, 2, 1, 37 читается KUR lu-ú-i-[ia], то его дубликат — КВо, VI, 3, 1, 46 дает KUR^{URU} ar-za-ua¹¹. Однако лувийцы в это время, очевидно, были распространены еще дальше на восток. Так, в находившейся на самой границе северной Сирии, на территории поздней Киликии и в прилегающей к ней с востока области Кизватна, наряду с хурритским, живым разговорным языком мы находим также и лувийский, судя хотя бы по тому факту, что до нас дошел лувийский ритуальный текст из этой страны¹². Считается даже, что лувийский, возможно, былдохурритским, единственным языком древнейшего населения этой области, а из изучения более позднего ономастического материала делается возможным предполагать распространение лувийско-язычного населения на обширной территории в южной части Малой Азии от Лидии на западе до границ Сирии на востоке¹³.

В более позднюю эпоху в этой области, так же как и в соседних областях крайнего севера Сирии, в большом количестве появляются так называемые хеттские иероглифические надписи, язык которых, как это отмечено многими исследователями, весьма близко стоит к лувийскому языку. Ф. Зоммер даже склонен язык хеттско-иероглифических надписей из Кархемиша считать диалектом лувийского языка, «восточно-лувийским»¹⁴, однако другие исследователи склонны проявить большую осторожность в этом отношении и говорить лишь о близости этих двух языков¹⁵.

Констатацией того факта, что божество Иварша (Имарша) упоминается в текстах с лувийскими ритуальными песнопениями и т. д., того факта, что оно являлось божеством лувийского пантеона, вовсе нельзя считать решенным вопросом о местном лувийском происхождении данного божества. Известно, что в лувийском пантеоне мы встречаем немало божеств нелувийского происхождения, заимствованных из пантеона соседних народов. То же самое наблюдается и в хеттском пантеоне, так же как и в пантеонах других древневосточных народов. Поэтому важно проследить, если это удастся, происхождение интересующего нас лувийского божества Im(m)-arš(i)a.

Нам кажется, с этой целью следует обратить внимание на встречающееся в лувийских текстах слово immarašša (imrašša), по своему звуковому составу весьма близко стоящее к интересующему нас Im(m)arš(i)a. Судя по почти полному собранию лувийского эпиграфического материала, опубликованному в 1953 г.¹⁶, данное слово в лувийских текстах встречается несколько раз в следующих контекстах:

KUB, XXXV, 54, л. ст., II: (11)a-at-ta ta-al-ku-du a[-...] (12)EN SISKUR. SISKUR a-ar-pa a-ad-du-[ua-al-za...] (13)ú-tar-ša EN SISKUR. SISKUR DINGIR^{MEŠ}-za[...] (14)im-ra-aš-ša D^{IŠ}KUR-aš-ša-an-za [...] (15)pa-a a-an-da pu-u-na za-a-aš [(-)] (16)la-a-la-ad-du (конец параграфа).

KUB, XXXV, 54, об. ст., III: (6)a-ta a-ar-pa za-aš-ta-an-za DINGIR^{MEŠ}-an-za (7)pa-r-ra-an ni-iš im-ma-ra-aš-ša D^{IŠ}KUR-aš-ša-an-za (8)hal-li-iš-ša (конец параграфа).

¹¹ H. Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, В., 1953, стр. 14.

¹² Otten, Zur... Bestimmung des Luvischen, стр. 30 сл.

¹³ A. Goetze, Kizzuwatna and the problem of Hittite geography, New Haven 1940, стр. 8.

¹⁴ F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 36 сл.

¹⁵ Otten, Zur... Bestimmung des Luvischen, стр. 8.

¹⁶ H. Otten, Luvische Texte in Umschrift, В., 1953.

KUB, XXXV, 54, л. ст., II (31): za-a-ú-i zi-ia-ar NUMUN^{HI.A} aš-š[i? p]u-u-na-a-ta (32)in-za-ga-a-an ʉa-aš-ha a-ta [BE]-EL SISKUR. SISKUR (33) ^{GIŠ}ha-at-ta-ra-a-ti ha-at-t[a-r]li-it-ta (34)^{GIŠ}tu-u-ra-a-ti-pa-ta tu-u-r[a-a]t-ta (35)a-ta im-ra-aš-ša ^DIŠKUR-u[n-t]i? pa-ri (36)ta-ra-a-u-i-it-ta (конец параграфа). (37)a-ta pí-ia-at-ta im-ma-[r]a-aš-ša-an ^DIŠKUR-ti (38)a-ta za-ap-pa-at-ta at-tu-[ʉa]-a[š]-za ú-tar-ša (39)[-]li-iš-ša a-ta a[-ap-p]a DINGIR ^{MEŠ}-an-za (40)SĀ EN SISKUR. SISKUR pá-r-ra-an ni[-iš]...¹⁷.

Большинство слов, содержащихся в приведенных выше лувийских текстах, не поддается объяснению, и поэтому дать их связный перевод в настоящее время не представляется возможным. Однако наше внимание здесь привлекает тот факт, что во всех четырех случаях, причем вовсе не в идентичных контекстах, слово *immarašša* (*imrašša*) стоит рядом с идеограммой бога Тешуба — бога погоды, бури и грома и т. д. (^DIŠKUR). Поэтому естественно думать, что данное слово, по-видимому, является каким-либо эпитетом Тешуба, упоминающегося здесь в контексте, в котором часто фигурирует также «владыка жертвы»: EN (вар. BE-EL) SISKUR. SISKUR.

В хеттском пантеоне, как известно, различали много разных Тешубов, среди которых наиболее часто упоминается «Тешуб неба», «Тешуб-царь небес»¹⁸. Был также «Тешуб облаков», «Тешуб дождя» и т. д. «Тешуб неба», очевидно, был известен и в собственно лувийском пантеоне — в хеттско-неситском чтении он засвидетельствован в одном из текстов ([n]e-rí-ša-aš ^DIŠKUR), в котором можно восстановить указание на то, что речь шла о лувийском ритуале ([lu-ú-i]-li, по восстановлению Оттена¹⁹).

Все вышесказанное дает нам возможность предположить, что в термине *immarašša* (*imrašša*), который неоднократно сопутствует в лувийских текстах имени Тешуба, возможно, мы имеем этот самый эпитет Тешуба — «небесный», «неба». С этим вполне согласуется упоминание этого слова в тексте KBo, IV, 11 с детерминативом божества, так как естественно, что, как у многих других древних народов, так и у лувийцев, «небо» рассматривалось как божество и бог неба входил в пантеон божеств²⁰.

В приведенных выше лувийских контекстах выражения, содержащие *immarašša* (*imrašša*) и ^Diškur, синтаксически остаются не совсем ясными²¹. Однако, если правомочно предлагаемое нами сближение термина *immarašša* (*imrašša*) с именем божества из KBo, IV, 11 — ^Dimmaršija, то кажется вероятным, что в приведенных лувийских текстах данное слово выступает

¹⁷ O t t e n, Luvische Texte..., стр. 58—60.

¹⁸ Например, KBo, IV, 10, л. ст. 51; об. ст., 26; KUB, IX, 28, I, 3; X, 75, I, 14—15; XXV, 22, III, 15; XXVII, 1, I, 48 и много других; L a g o s c h e, Recherches..., стр. 109—110.

¹⁹ O t t e n, Zur... Bestimmung des Luvischen, стр. 13.

²⁰ В специальной литературе высказаны разные предположения в связи с вопросом, как звучало слово «небо» в лувийском. Одни исследователи (J. Friedrich, E. Lagosche) склонны такое значение придавать слову *uga-*, основываясь на наличии в текстах выражения *u-ra-az* ^DUTU-az, считая его соответствием хеттско-неситскому *perišāš*, хотя другие исследователи предпочитают считать *uga-* словом, обозначающим «большой», «великий», (см. O t t e n, Zur... Bestimmung des Luvischen, стр. 52). Некоторые же исследователи (например Н. Th. Bossert) значение «небо» придают лувийскому слову *tarašša*, связывая его с хеттско-иероглифическим *tapas-* — см. R o s e n k r a n z, Beiträge..., стр. 49. Однако другие исследователи предлагают иное толкование этого слова, например «резиденция» (A. Goetze—E. H. Sturtevant, The hittite ritual of Tunawī, New Haven, 1938, стр. 76 сл.) и др. (O t t e n, Zur... Bestimmung des Luvischen, стр. 38).

²¹ Ср. O t t e n, Zur... Bestimmung des Luvischen, стр. 107, прим. 194.

с притяжательным суффиксом *-ašš(a/iš)*. Известно, что в лувийском, как указано уже Форрером²², наблюдается отсутствие родительного падежа, который здесь заменяется притяжательным суффиксом *-ašš (a/iš)*. Таковы, например, лувийские формы: *an-na-aš-ši* (KUB, 132, II, 6), *a-ra-a-aš-ša* (XXV, 16, I, 9; 43, II, 37); *iš-ta an-za-na-aš-ša* (Bo, 407, л. ст., 10); *ra-a-ta-aš-ša* (XXII, 8, III, 17); *da-a-ú-na-aš-ša* (XXV, 25, 8, 43, II, 8, 14); *ua-a-ar-hu-ua-aš-ša* (XXV, 93, об. ст., 7) и др.²³

Возможно, от закономерной *immarš(i)a-ašša* мы получили *immar(a)šša* благодаря диссимиляционной потере слога.

Таким образом, ознакомление с лувийским материалом дает возможность предположить, что лувийское божество Им(м)арша являлось божеством неба, а само название в лувийском имело значение нарицательного имени «небо». Конечно, вопрос нельзя считать решенным. Речь пока что может идти лишь о более или менее правдоподобном предположении. Лишь дальнейшее углубленное изучение лувийского языкового материала может окончательно уяснить нам значение слова *immarāšša (imrašša)* и его отношение к имени божества *immaršija*. Однако некоторое подкрепление высказанного нами предположения о характере лувийского божества Им(м)арша, нам кажется, можно найти уже в совершенно иной области — в имеющихся у нас данных по урартской религии, а также в уяснении ряда обстоятельств, связанных с почитанием лувийского божества Иварша (Имарша) на урартской земле, в крепости Ир(е)пуни (совр. Арин-берд).

Обращает, в частности, на себя внимание то обстоятельство, что Иварша, по всей вероятности, не принадлежал к числу главных божеств лувийского пантеона. В лувийском эпиграфическом материале это божество встречается редко. Характерно, что в многочисленных общих работах по хеттам и хетто-лувийской религии Иварша нигде не упоминается. Таким образом, на основании имеющегося в нашем распоряжении материала у исследователя создается впечатление, что Иварша (Имарша) — сравнительно второстепенное божество лувийского пантеона. Если переселенные из Северной Сирии в Ир(е)пуни воины на самом деле принадлежали к лувийской или какой-либо близкородственной к ней этнической группе, то вызывает удивление, почему в цитадели Ир(е)пуни было построено святилище именно ему, а не какому-либо из главных лувийских божеств (Санташ, Датташ, Тархунт и др.). Конечно, можно думать, что Иварша являлось главным местным божеством той области Северной Сирии, откуда были переселены в Араратскую долину интересующие нас воины. Однако нам представляется, что решение вопроса можно искать и в другом направлении. Ведь нельзя допустить, что крепость Ир(е)пуни целиком была предоставлена в руки хетто-цупанийских переселенцев. Ир(е)пуни была урартской крепостью, и основное ядро ее гарнизона, несомненно, составляли урартские воины. Об этом свидетельствует также наличие почитания верховного бога урартийцев Халди в этом городе, засвидетельствованное источниками²⁴.

В связи с этим можно предположить, что Иварша получил в Ир(е)пуни свое святилище в качестве хетто-цупанийской модификации верховного бога урартийцев Халди, поскольку и Иварша (см. выше) и Халди являлись божествами неба. О том, что Халди был божеством неба или, во всяком случае, олицетворением одной из небесных стихий, свидетельствует одна

²² E. Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, ZDMG, N. F., I (1922), стр. 218.

²³ См. Rosenkranz, Beiträge..., стр. 62.

²⁴ Открыт целый ряд декоративных щитов, в надписях на которых говорится, что эти щиты были посвящены царем Аргишти, сыном Менуа, богу Халди в город Ир(е)пуни (УКН, 145; 146; 147; 147а; 147b).

из надписей Менуа, в которой царь призывает для наказания осквернителя своей надписи «богов Халди, Тейшеба, Шивини (и) земных божеств» (УКН, 99, об. ст., 8—9)²⁵; здесь «земные божества» противопоставлены триаде Халди — Тейшеба — Шивини. Эти последние, очевидно, рассматриваются как небесные божества, боги, олицетворяющие небесные явления. В отношении Тейшеба (бог погоды, бури и т. д.) и Шивини (бог солнца) это известно и по другим источникам, а из данной надписи выясняется, что и Халди являлся небесным божеством²⁶.

Таким образом, под Иварша, возможно, подразумевался тот же верховный бог урартийцев Халди и susi (святилище), построенное богу Иварша, считалось построенным тому же Халди. Это должно было быть первым шагом на пути ассимиляции, урартизации переселенного населения. Для людей, предназначенных быть опорой урартской власти в чужой, завоеванной стране, этот процесс слияния с урартской народностью должен был проходить довольно быстро. Что эти переселенцы были призваны отчасти играть именно эту роль, в настоящее время трудно сомневаться. В самом деле, если урартский царь строит в цитадели своей крепости святилище богу чужого племени (или урартскому богу Халди, но названному другим, неурартским, принадлежащим переселенному сюда из Северной Сирии населению именем), то это, несомненно, свидетельствует, что защита крепости отчасти находилась в руках именно этих переселенцев. В свете этих новых фактов нельзя не согласиться с утверждением И. М. Дьяконова о том, что в Урарту определенная часть захваченных на войне людей должна была включиться в войско и размещаться в качестве гарнизонов в различных урартских крепостях²⁷. В частности, так обстояло дело и в рассматриваемом случае. Возражения, высказанные нами раньше в связи с такой постановкой вопроса²⁸, теперь уже не кажутся нам убедительными.

Таким образом, новые материалы, обнаруженные при раскопках урартской крепости Ир(е)пуни (Арин-берд), если правильна даваемая нами им интерпретация, создают твердую опору при уяснении некоторых явлений социально-экономической жизни древнего Урарту. Конечно, не все еще ясно даже и в вопросе о хеттско-цупанийских переселенцах в Ир(е)пуни. Правда, трудно уже сомневаться в том, что эти переселенцы составляли часть урартского гарнизона этой крепости. Но этим ли ограничивались их функции? Были ли переселены одни лишь воины или же переселили их вместе с семьями? Скорее всего здесь мы имеем дело с переселением большой массы людей вместе с их семьями²⁹. Они, вероятно, и были поселены на земли вокруг Аринбердского холма; вероятно, их руками строилась сама крепость Ир(е)пуни, и в дальнейшем они, обрабатывая предоставленные им урартским царем земли, несли разные повинности по отношению к государству. Одной из таких повинностей (не исключено, что даже единственной повинностью) было несение военной службы. Дальнейшие

²⁵ См. также J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, Lpz, 1933, стр. 56; A. Goetze, RHA, 22—23, стр. 196.

²⁶ См. Меликишвили, Наири — Урарту, стр. 365—366.

²⁷ И. М. Дьяконов, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 100.

²⁸ См. Г. А. Меликишвили, К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту, ВДИ, 1953, № 1, стр. 26 сл.; он же, Наири — Урарту, стр. 347 сл.

²⁹ О подобных переселениях всего населения из той или иной завоеванной области ср. Меликишвили, Наири — Урарту, стр. 346. Характерно, что Аргишти I говорит именно о поселении (eirsidu-) хетто-цупанийских воинов. Кроме того, факт высечения на камнях, находящихся в кладке стены цитадели, надписи, упоминающей бога переселенцев Иварша, также свидетельствует о том, что хетто-цупанийские воины вовсе не рассматривались как временные жители города Ир(е)пуни.

раскопки Арин-берда, вероятно, дадут нам еще новый конкретный материал для уяснения и этих, пока все еще неясных вопросов, имеющих важное значение для воссоздания социально-экономической истории древнего Урарту³⁰.

³⁰ Хотя все сказанное выше о социальном статусе переселенцев в Ир(е)пуни в равной степени может относиться как к хеттским, так и цупанийским переселенцам, однако остается еще вопрос другого порядка: божеством кого из них — хеттов или цупанийцев являлся бог Иварша? Или это однородное в этническом отношении население, и Иварша (= лувийское соответствие бога Халди?) равным образом мог быть почитаем и теми и другими? До появления нового материала, способствующего уяснению данного вопроса, вероятнее всего, кажется, признать в почитателях лувийского божества Иварша «хеттов» — жителей северных областей Сирии, которые, несомненно, были одним из основных очагов населения, говорящего на лувийском и близком к нему «хеттско-иероглифическом» языках. Судя также по описанию того похода урартийцев на запад, во время которого было угнано из этих областей переселенное затем в Ир(е)пуни население (см. об этом выше), также кажется вероятным, что основная масса переселенных в Ир(е)пуни «воинов Хате и Цупани» происходила именно из страны Хате. Цупани, как было отмечено выше, в описании этого похода даже не упоминается, хотя ясно, что урартийцы должны были пройти и по ее территории. Вероятно, поход через Цупани по своему характеру, по своим результатам имел сравнительно небольшое значение.

